

Зейнеп САХРА

яблочный пирог и любовь

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2025

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)
С22

Zeynep Sähra
Elmalı Turta

First published by Ren Kitap Yayın Dağ. San. Tic. Ltd. Şti.
Russian translation rights arranged through
Kalem Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency.

Перевод с турецкого: *Иван Александров*

ISBN 978-5-17-159625-5

© 2016 Zeynep Sähra
© Иван Александров, перевод, 2025
© Диана Бигаева, оформление, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Моей дочери...

«Ночь не добра без света милых глаз...»¹

Уильям Шекспир

¹ «Ромео и Джульетта», акт II, сцена 2 (здесь и далее сцены из пьесы в пер. Т. Щепкиной-Куперник).

ГЛАВА 1. ОБОРОТЕНЬ

Некоторые события занимают всего несколько секунд, но врезаются в память навсегда. Удар молнии, взрыв бомбы или момент, когда в кого-то стреляют... Если вы пережили нечто подобное, значит, в самом дальнем уголке вашего мозга поселился вечный жилец, которого не выгнать, даже если очень захотеть.

И вот я стояла и смотрела, как этот новый сосед затмевает мой разум.

Я все еще не могла пошевелиться, но чувствовала запах пороха. Человек, нажавший на курок, все еще держал пистолет перед собой, ошеломленно застыв на месте. Двое мужчин в черном, лежащие на земле, тоже не двигались.

Я сглотнула. Не знаю, сколько секунд я не дышала. Лежащие на земле двое зашевелились, но на ноги поднялся только один. Я была настолько ошарашена, что мне потребовалось время, чтобы понять, кто именно.

Когда стрелявший увидел, как встает этот человек, он в панике резко рванул с места. Поднявшийся мужчина решительно подошел ко мне и схватил меня за руки. Взгляд голубых глаз настойчиво искал мой. Губы мужчины начали шевелиться, но я все еще будто находилась внутри огромного стеклянного колпака. Уши заложило, и я едва слышала обращенный ко мне голос:

— Мне нужно поймать того типа. Ты слышишь меня, Сахра? Очнись! Ты должна позаботиться об Ахмете!

Когда я механически кивнула, Эмир отпустил мои руки и бросился вдогонку за главарем. Под удаляющийся топот их ног я, все еще не понимая, что делать, опустилась рядом с Ахметом. С трудом сделав вдох, снова задержала дыхание и, дрожа, перевернула его тело на спину.

Его лицо было искажено от боли. Но, когда через несколько секунд его глаза встретились с моими, мир возобновил вращение. Гул в ушах стих. Я снова вдохнула. И пришла в себя:

— Ты в порядке?

Ахмет сглотнул — было видно, что ему больно. Он стиснул зубы, и я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами. Его взгляд скользнул вниз, будто проверяя собственное тело, затем он посмотрел на меня, напрягся и улыбнулся:

— Не бойся, я в порядке...

В этот момент слезы сами потекли по моим щекам, но я все равно ответила улыбкой. Ахмет приподнял голову и положил мне на колени, а я взяла его руку в свою. Пока я смотрела на его лицо, искаженное болью, вернулся Эмир. Не теряя времени, он сразу наклонился к Ахмету.

— Подлый ублюдок стреляет, как слепой, но бежит, как заяц!

Я тревожно взглянула на него:

— Он сбежал?

Эмир раздраженно кивнул и тут же переключился на раненого. Пальцы Эмира скользнули по плечу Ахмета, будто стремясь нащупать пулю. Видимо, этого было недостаточно, потому что он осторожно стянул с Ахмета куртку, и на темной футболке сразу стало видно кровавое пятно. Пуля вошла где-то между плечом и грудью. Времени прошло совсем не много, но крови уже натекло достаточно. Эмир с предельной серьезностью надавил на грудную мышцу:

— Тут больно?

Ахмет покачал головой. Пальцы Эмира сместились на пару сантиметров, и он повторил вопрос. Ахмет снова отрицательно мотнул головой. Чем дальше пальцы Эмира отодвигались от сердца, тем слабее становился мой страх. Когда он надавил совсем близко к плечу, Ахмет застонал, а Эмир облегченно вздохнул:

— Все в порядке, не бойся: пуля застряла в относительно безопасном месте.

От того, что он сказал это глядя на меня, а не на Ахмета, я испытала странное чувство. Эмир снял куртку, затем, не задумываясь, стянул футболку. Глядя на его мускулистую грудь, я не понимала, что он задумал, но выглядел он как человек точно знающий, что делать. Он несколько раз разорвал ткань, затем повернул Ахмета к себе и аккуратно намотал импровизированный бинт вокруг плеча. Другим куском зажал рану и зафиксировал его.

Закончив, он снова положил голову Ахмета мне на колени. Посмотрел на меня, и по этому взгляду было трудно понять, что он чувствует. А потом, не дав мне открыть рот, сказал:

— Нам нужно идти!

Он натянул куртку на голое тело и поспешно застегнул. Подхватил Ахмета под руку, стараясь не задевать рану, и поднял. Они зашагали рядом, как два близких друга, а я, бросив взгляд на стонущих мужчин на полу, спотыкаясь, побрела следом.

Мы искали путь обратно по темным коридорам старой фабрики, и Эмир замедлил шаг, чтобы я могла осветить им, но было видно, что он старается спешить. Пускай образ жизни он вел самый расслабленный, я знала, что у него врожденный талант к медицине. Даже если забыть про его отца, два старших брата Эмира, выпускники нашего же университета, были одними из самых успешных врачей страны. И если сейчас Эмир

спешит, значит, пуля не в таком уж безопасном месте, как он сказал.

От этой мысли я занервничала и заторопилась. В воздухе, подсвеченная моим мобильником, висела пыль. Через несколько минут мы выбрались из здания.

Эмир отпустил Ахмета и быстро подозвал меня, чтобы я заняла его место. Хотя и без уверенности, я послушалась. Тело Ахмета, измученного болью, казалось, не способно сохранять вертикальное положение. Когда я подставила ему плечо, его вес едва не опрокинул меня. Рядом с крупной фигурой Ахмета я чувствовала себя крошкой. И выглядела, наверное, еще более беспомощной, чем он. Лицо Ахмета было искажено от боли, с губ срывались стоны... Только запах, который я вдыхала, остался прежним.

Эмир отстал, а к нам подбежала с испуганным лицом Ясмин. Без зазрения совести она взяла лицо Ахмета в ладони:

— Что случилось? Он в порядке?

Меня разозлило, что она так легко может прикасаться к нему. Да мы, вообще, и попали сюда из-за ее дурацкого клочка земли!

— Из-за твоего идиотского участка его подстрелили!

Несправедливо? Нет! Все это было ее виной.

Ясмин унаследовала от умершего деда один из ценных участков земли в Чыкмазе, а человек, который подстрелил Ахмета, был одержим этим участком. Ее семья, напуганная угрозами этого типа, попросила, чтобы Ахмет помог им избавиться от проблемы. Конечно, они обратились к нему из-за того, что он был успешным адвокатом, но они не учли одного: Ахмет был еще и одним из самых упрямых людей на свете. Он был готов на все, лишь бы не делиться тем, что считал своим. Даже если это означало нарваться на пулю...

Когда мои гневные слова хлестнули по ней, из глаз Ясмин покатались крупные слезы. Она ласково погладила Ахмета по лицу, и я, с усилием сглотнув, отвернулась. Ахмет помотал головой, будто пытаюсь стряхнуть ее пальцы.

— Все в порядке... — пробормотал он, но выглядело это не очень убедительно.

Я попыталась сделать несколько шагов вперед, но мои слабые колени задрожали — то ли от усталости, то ли из-за дурацкой нежности Ясмин. Ахмет попытался поднять голову и, перевозмогая боль, сказал:

— Надо вызвать полицию.

Ясмин повернулась ко мне:

— После того как вы зашли внутрь, охранник не вернулся. Услышав выстрел, я запаниковала и позвонила в полицию. Вот только что.

— Хорошо хоть это сообразила, — буркнула я недовольно.

Она опустила голову. Мне было жаль, что она чувствует себя виноватой, но я ничего не добавила. В глубине души я действительно считала ее ответственной за состояние Ахмета.

Пока мы ковыляли к машине, к нам с рычанием подкатил и резко затормозил белый спортивный автомобиль Эмира. Опустив стекло, он тут же заговорил:

— Джульетта, ты с Ахметом сзади. Конфетка-блондинка — на переднее сиденье. Быстро!

Без лишних слов мы заняли свои места. И в тот же момент, когда захлопнулась последняя дверь, машина рванула с места, как ракета, подняв клубы пыли. Голова Ахмета на моих коленях болталась из стороны в сторону, а кровь из его плеча сочилась так сильно, что уже пропитала мою одежду. Бинт, который наспех наложил Эмир, давно перестал выполнять свою функцию. Я нахмурилась, глядя на рану:

— Эмир, почему так много крови? Это нормально?

Выражение его лица в зеркале заднего вида мне не понравилось. Не сбавляя скорости, он ответил:

— Поверни Ахмета на бок так, чтобы раненое плечо было выше уровня сердца.

Его тон встревожил меня, но я попыталась сделать как он сказал. Каждый раз, когда свет фонарей падал на лицо Ахмета, моя тревога возрастала. Почему он выглядит таким слабым и бледным, ведь прошло так мало времени?

Перевернуть его оказалось сложнее, чем я думала. Ахмет был не в состоянии помочь — ему было слишком больно. Убедившись, что рана достаточно высоко, я услышала плач Ясмин.

Я старалась не обращать на нее внимания, сосредоточившись на красивом лице Ахмета. Он выглядел таким спокойным и беззащитным... Пользуясь темнотой ночи, я кончиками пальцев коснулась его щеки, глаз, подбородка. Когда мои пальцы скользнули по короткой щетине, он приоткрыл зеленые глаза. Сморщенное от боли лицо чуть разгладилось. Казалось, он пытается улыбнуться, но получилось так себе.

Внезапно изумрудные глаза закатились и закрылись. Вслед за этим тело Ахмета начало биться в конвульсиях. Он дрожал так сильно, что казалось, я тряусь вместе с ним. От страха у меня перехватило дыхание. Едва сумев вдохнуть, я выкрикнула:

— Эмир! Эмир! С ним что-то не так!

Эмир обернулся с искаженным от досады лицом.

— Черт! Это произошло раньше, чем я ожидал, — пробормотал он себе под нос, снова поворачиваясь к дороге.

— Что случилось?! — закричала я снова, но он не ответил.

Не снижая скорости и не отрывая глаз от дороги, Эмир ловко снял кожаную куртку. Когда он швырнул ее мне, Ясмин уже рыдала в голос.

— Накрой его. И своей курткой тоже. Пуля, должно быть, попала в артерию. Он теряет кровь слишком быстро, и сейчас у него шок.

Я окаменела, будто сама впала в шоковое состояние. Увидев мое лицо, Эмир, похоже, пожалел, что сказал лишнее, и снова заговорил — на этот раз медленнее:

— Но не волнуйся, Сахра. Мы его спасем.

Я поверила его голубым глазам, отраженным в зеркале заднего вида. Пусть даже он лгал. Собравшись, сняла с себя окровавленную куртку, укутала дрожащее тело Ахмета и крепко обняла его. Истеричные всхлипы Ясмин начали действовать мне на нервы, так что я не выдержала:

— Может, хватит уже реветь? Он не умер! И не умрет!

Я рывкнула на нее так, что это подействовало как пощечина. Ясмин замолчала. Ее покрасневшие глаза переполняли раскаяние и страх.

Через несколько минут Ахмет стал дрожать меньше, но кровотечение не прекратилось. Моя одежда и сиденье машины были залиты кровью. Я беспомощно нашла взгляд Эмира в зеркале:

— Я могу сделать что-нибудь еще?

На этот раз он ответил ровным голосом, не глядя на меня:

— Можешь погладить его по волосам. Для меня такое сработало.

Обнадеживающе это не прозвучало, но я все равно наклонилась к Ахмету. И, приблизив губы к его уху, прошептала:

— Не бойся, ты поправишься...

Я погрузила пальцы в его волосы. Не знаю, помогло ли это, но дрожь заметно ослабла, и тут же машина резко затормозила. Двери распахнулись, и через миг Эмир уже звал кого-то. Принесли носилки, Ахмета забрали у меня из рук и быстро увезли внутрь.

Выскочив из машины, я испытала дежавю. Снова та же самая клиника. В Чыкмазе... Дома...

Но это не принесло мне утешения.

Когда Ахмета забрали в реанимацию, Эмир на ходу объяснил врачу, что произошло, используя медицинские термины, которые я даже не понимала.

Судя по выражению лица доктора Бюлента, прогнозы были не самыми радужными. Врач тревожно коснулся моего плеча и поспешил к Ахмету. Вскоре его увезли в операционную. А нам оставалось только ждать за закрытыми дверями.

На секунду мне показалось, что Эмиру тоже место в операционной, но он спокойно подошел и сел рядом со мной. Долгое время никто не говорил ни слова. Только Ясмин стояла в стороне и тихо плакала. Потом посмотрела на нас, избегая встречаться со мной взглядом, и робко спросила:

— Э-э-э... Думаете, полиция поймала тех людей?

Я не ответила. Эмир, пытаясь разрядить обстановку, сказал:

— Не волнуйся, конфетка. Даже если они не схватили того трусливого зайца, который удрал, то его подручных задержали точно. А они из тех, кто сдаст своего главаря после первой же пары вопросов. Так что не бойся, навредить они больше не смогут.

И Ясмин успокоилась. Таков уж был Эмир. Пусть даже он врал, его слова растворяли любую тревогу. Вот и Ясмин под их воздействием перестала плакать и села напротив нас.

Пока мы молча ждали, я украдкой поглядывала на Ясмин, а она, в свою очередь, смотрела на Эмира. Сперва я думала, что щеки у нее до сих пор алеют из-

за моих нападков, но, повернув голову, сообразила, что торс Эмира до сих пор обнажен.

Чертов парень! У него был такой пресс, будто он каждое утро делал тысячу скручиваний, а потом переплывал Босфор. А широкие плечи и мощные руки усиливали впечатление. Закатив глаза, я скрестила руки на груди.

Медсестры, проходившие мимо, разглядывали Эмира куда более откровенно, чем Ямин. Кажется, каждая вторая чуть ли не свистела. И я была уверена, что у них нет никаких дел на этом этаже посреди ночи.

Эмир откинулся на спинку стула и потянулся, заложив руки за голову. От этого движения его бицепсы напряглись, как две банки. Медсестры уже даже не делали вид, что проходят мимо по делам, — встали рядом, попивая кофе из бумажных стаканчиков, и не сводили с него глаз. Я почти слышала, как они шепчутся.

В конце концов я не выдержала и покосилась на Эмира:

— Ты не планируешь что-нибудь надеть?

Не меняя позы, он лишь повернул ко мне голову. Его губы растянулись в ухмылке, а потом он беззаботно пожал плечами:

— Мне удобно и так.

Я снова закатила глаза:

— А мне — нет! Посмотри вокруг, они пялятся на тебя, как на льва в клетке!

Он усмехнулся:

— Меня это не беспокоит.

— Зато беспокоит меня! — прошипела я. — Ахмет там борется за жизнь, а ты расселся, как оборотень из «Сумерек», и эти девки пускают на тебя слюни. Неужели не понятно, что это попросту неприлично?!

Эмир сжал губы, чтобы не рассмеяться. Он убрал руки с затылка и наклонился ко мне. Я так и сидела со

скрещенными руками, но, когда его шепот коснулся моего уха, мои мышцы против воли расслабились.

— Знаешь, Джульетта, тело человека на семьдесят процентов состоит из воды. Но не твое. Твое — из ревности.

Когда он отстранился, на его лице все еще играла ухмылка. Я уже открыла рот, чтобы заявить, что он ошибается, но тут он повернулся к медсестрам:

— Девчонки, может, перестанете на меня смотреть? Моя девушка нервничает!

У сестричек вытянулись лица, а у меня отвисла челюсть. Одна бровь Ясмин взлетела. В ярости я ударила Эмира по плечу. Он поморщился, но настроения это ему ничуть не испортило.

— Я иду за кофе! — сердито встала я. — И я тебе никто, Ханзаде!

Мои последние слова не изменили выражения лица Ясмин, но заставили медсестер заулыбаться.

Я дошла до кафетерия, купила кофе тем двоим, а себе — шоколадку с карамелью. Где-то читала, что при стрессе шоколад снижает активность мозга. А сейчас я готова была съесть целую плитку, лишь бы успокоиться.

К моему возвращению медсестры уже разошлись. Я невольно улыбнулась и тут же разозлилась на себя за это. Заворачивая за угол, я услышала голоса Ясмин и Эмира и инстинктивно остановилась, прислушиваясь.

— Ты кто, вообще, такой? Правда парень Сахры?

Я чуть не кинулась туда, чтобы ответить вместо Эмира. Кто знает, что он сейчас сморозит!

— Я — это ты.

Я нахмурилась. Это еще что значит? Ясмин, видимо, тоже не поняла:

— В смысле?

Хоть я и не видела лица Эмира, я чувствовала, что он все так же самодовольно ухмыляется:

— Ты смотришь на парня там внутри так же, как я смотрю на Джульетту. Детка, мы с тобой в одной команде.

В одной команде? О чем, вообще, речь? Я чувствовала, что чего-то не улавливаю, а вот Ясмин, кажется, сообразила, потому что весело поинтересовалась:

— Как думаешь, наша команда выиграет?

Эмир тихо рассмеялся:

— Не знаю насчет команды, но любовь всегда побеждает, конфетка.

Я не выдержала и вышла из укрытия. Пока я шагала к ним, эти двое переглянулись и заулыбались. «Если бы они начали встречаться — могли бы стать самой гармоничной парой после Брэда Питта и Анджелины Джоли, — подумала я. — А их дети существенно улучшили бы генофонд страны».

Но потом я представила, как Эмир называет Ясмин Джульеттой, и мне стало досадно. Наверное, он был прав — не меньше половины меня составляла бессмысленная ревность. И если считать, что вторая половина — вредный характер, то, очевидно, человек я не самый приятный...

Под влиянием этих мыслей я чуть ли не швырнула стаканчик с кофе Ясмин. Она нервно взяла его из моих рук. Эмир с хитрой ухмылкой потянулся за своим, прикрываясь рукой. Я плюхнулась на стул рядом с ним, а Ясмин встала.

— Мне нужно подышать воздухом, — сказала она и ушла.

Я разорвала упаковку шоколадки и откусила кусок. Толком не прожевав, повернулась к Эмиру:

— Вижу, вы с Ясмин отлично поладили.

Губы Эмира изогнулись, он отхлебнул кофе и пожал плечами. Голубые глаза сверкнули:

— Симпатичная девчонка.

Я невольно поджала губы и снова вгрызлась в шоколад:

— Ее называют самой красивой девушкой Чыкмаза.

Произнеся это, я сама не поверила, что стала настолько ревнивой. Да что со мной такое происходит?

Эмир снова склонился ко мне:

— А тебя как называют? Самой ревнивой девушкой Чыкмаза?

Вместо ответа я пересела на соседний стул — прекрасно понимая, насколько это по-детски. Но через несколько минут, подумав, уже серьезно произнесла:

— Спасибо...

Эмир понял, за что я его благодарю, и через силу улыбнулся.

— Я знал, что ты не переживешь, если с ним что-то случится, — просто сказал он.

И я не нашла, что на это ответить.

Ясмин вернулась. Когда она села и улыбнулась Эмиру, я сделала вид, что не замечаю. Я и не должна была такое замечать. Эмир бросил на меня взгляд и поднялся с места:

— Пойду поищу какую-нибудь одежду. Тебе что-то нужно?

Я покачала головой. Хотя старалась казаться равнодушной, я была рада, что его мышцы больше не будут выставлены на всеобщее обозрение.

— Я-то, может, и выгляжу как оборотень, а вот ты вся в крови, как вампир. Хочешь, попрошу у медсестер что-нибудь, во что ты могла бы переодеться?

Я упрямо пожала плечами, и Эмир не стал настаивать.

Через несколько минут после его ухода дверь операционной открылась. Оттуда с улыбкой вышел доктор Бюлент. Мы с Ясмин замерли, уставившись на него.

